

О. А. БЕЛОБРОВА

К вопросу об иконографии Максима Грека

В многочисленных списках сочинений и переводов Максима Грека XVI, XVII и XVIII вв. нередко встречаются его изображения. Обычно это миниатюры, представляющие пожилого человека в монашеской одежде, с широкой и длинной бородой, чаще всего в профиль оплечно, иногда по пояс, впрямь, иногда же и в рост, порою с письменными принадлежностями, за перепиской книг. Однако эти условные «портреты» Максима Грека не остались единственными его изображениями. Трудно назвать какого-либо другого деятеля древнерусской письменности и литературы, изображению которого было бы уделено столько же внимания в XVI—XVIII вв. Здесь и миниатюры в рукописных книгах, и многочисленные иконы, отличающиеся разнообразием иконографических прототипов, и, наконец, фрески, украшающие стены соборов и церквей.

При всем богатстве этого материала легко заметить различие между теми изображениями Максима Грека, в которых он представлен как писатель, публицист, мыслитель, и другими, в которых ему придавали значение святого, подчеркивая это не только нимбом вокруг его головы, но и надписью «Преподобный Максим Грек».

Между тем известно, что Максим Грек не был канонизирован. Изображение последнего на иконах обычно объясняется почитанием памяти Максима Грека среди раскольников и старообрядцев в XVII и XVIII вв. Однако и официальная русская православная церковь допускала изображение Максима Грека как «преподобного», «Радонежского чудотворца», святого. Каким же образом дважды осужденный на московских соборах 1525 и 1531 гг. приезжий афонский монах Максим Грек заслужил почетное право быть изображенным, например, в 1564 г. среди наиболее прославленных философов и писателей древности в фресках галереи Благовещенского собора московского Кремля;¹ в конце XVI в. на иконе, принесенной в кремлевский Успенский собор, и на другой, созданной для часовни над гробом Максима Грека в Троице-Сергиевом монастыре;² наконец, в XVII в. в фресках двух храмов этого же монастыря, в вологодском Софийском соборе, Толчковской церкви Иоанна Предтечи в Ярославле и на многочисленных иконах?³ Чтобы ответить на этот вопрос, следует наметить некоторые этапы в развитии иконографии Максима Грека. Не-

¹ Н. Е. Мневва. Московская живопись XVI века. — История русского искусства, т. III. Под ред. И. Э. Грабаря, В. С. Кеменова, В. Н. Лазарева. М., 1955, стр. 554.

² Об этом под 1593 г. приведены сведения в рукописном списке жития Максима Грека: ГБЛ, собр. Ундольского, № 338, лл. 90 об.—92 об.

³ В церкви Сошествия святого духа (Духовской) в 1655 г. и в Успенском соборе в 1684 г.; в Толчковской церкви в 1694—1695 гг., в вологодском Софийском соборе в 1686—1688 гг. Иконы с изображением Максима Грека XVII в. хранятся в Гос. Третьяковской галерее, Гос. историческом музее, в Гос. Русском музее.

сомненно, самыми ранними из всех дошедших до нас его изображений являются три рисунка в списках его сочинений Соловецкого собрания.⁴ Обычно их датируют концом XVI—началом XVII в. Если это и не прижизненные изображения Максима Грека, то уж во всяком случае они восходят к какому-то неизвестному устойчивому прототипу, который передает не только вообще монашеский облик Максима Грека, в профиль, с бородой, в клобуке, но и индивидуальные его черты: загнутый книзу крючковатый нос, резкие складки на щеках, пониже скул, пышно растущую бороду.

К этому же кругу изображений Максима Грека следует отнести и миниатюру из списка его сочинений, хранящегося в БАНе и датируемого XVII в.⁵ Максим Грек изображен здесь (рис. 1) сидящим в келье, во весь рост, за перепиской книги, положенной на колени. Этот рисунок тем близок к трем его ранним «портретам», что он также представляет писателя, переводчика, но не святого, хотя надпись и называет его «преподобный Максим Грек»: голова в черном клобуке не имеет нимба.⁶ Интересно еще одно изображение Максима, которое находится также в списке его сочинений, принадлежащем Гос. историческому музею, и относится к началу XVII в.⁷ Здесь Максим Грек изображен не в клобуке, а в камилавке, впрямь, по пояс, с раскрытой книгой в левой руке, с благословляющей правой рукой. По сторонам его изображения помещена киноварная надпись, причем ее строки расположены вокруг головы Максима, подходя вплотную к контурам последней. Несомненно, и этот Максим Грек, судя по надписи и по характеру изображения, — писатель, ученый монах, а не святой. Но в позднейшее время, по-видимому в XIX в., чья-то безжалостная рука навела вокруг головы Максима тонкую, кое-где прерывистую линию нимба, которая грубо пересекла отдельные буквы и слова сопроводительной киноварной надписи; были раскрашены поверх тонких первых контуров одежды Максима, и даже традиционные характерные складки у скул на щеках оказались почти закрытыми желтыми пятнами краски. Одновременно была смыта и заменена надпись на книге. Это превращение условного «портрета» писателя в каноническое изображение святого как нельзя лучше показывает, что в XVIII и XIX вв. более обычными были изображения Максима Грека в качестве святого, а не писателя. О том же, что современники Максима Грека смотрели на него прежде всего как на писателя и мыслителя, позволяет судить уже упоминавшееся изображение его в фресках 1564 г. всего лишь через 8 лет после его смерти, в галерее Благовещенского собора московского Кремля. Таким образом, первый этап в истории изображения Максима Грека составляют его условные «портреты» как автора многочисленных сочинений и переводов, созданных им во время его почти сорокалетнего (1518—1556) пребывания на Руси: при великокняжеском дворе Василия III в Москве (в Чудовом монастыре), в ссылке в Иосифово-Волоколамском и в Тверском Отроче монастыре и, наконец, в последние годы жизни в Троице-Сергиевом монастыре. Любопытно, что уже в этой группе изображений имеются

⁴ а) ГПБ, Соловецкое собр., № 497/516, л. 1 об. По сторонам изображения — странная надпись, называющая Максима Грека. Издано в сочинениях Максима Грека: Казанская духовная академия, т. I, 1859. Переиздано в ряде монографий, посвященных Максиму Греку; например: В. С. Иконников, Максим Грек и его время. 2-е изд. Киев, 1915; б) ГПБ, Соловецкое собр., № 494/515, л. VII; в) там же, № 496/515, л. 8 об.

⁵ БАН, Архангельское собр., № 1044, М. Б. № 15, л. 10 об.

⁶ М. В. Щепкина любезно указала на сходство с этим типом изображения писца из жития Антония Сийского 1648 г. (ГИМ, собр. Щукина, № 750, л. 163)

⁷ ГИМ, Музейное собр., № 3809/4, л. 38 об.

различные иконографические варианты: и в профиль, и впрямь, и в рост, и по плечи, и по пояс. Однако здесь все же наблюдаются и некоторые индивидуальные, особенные черты: складки на щеках, характерная борода, восточный тип лица. Эти условные «портреты» встречаются с середины XVI до начала XVII в. Они показывают, что в XVI и XVII вв. авторитет Максима Грека как писателя, переводчика и публициста был очень велик. Не следует забывать, что Максим Грек с блестящим умом и талантом сумел во многих сочинениях обличить монастырское стяжательство, лихоимство, узурпацию центральной власти боярскими группировками. К его высказываниям внимательно прислушивались, и сам Иван Грозный «жаловал» посланиями Максима Грека. Чрезвычайно интересно, что многие из его требований, выраженных им в различных литературных произведениях, были приняты еще на Стоглавом соборе. Все это рисует нам Максима Грека как умного, смелого и резкого в суждениях писателя и публициста, который с некоторым фанатизмом отстаивал свои взгляды, слагавшиеся в борьбе «нестяжателей» и «нософлян». Обладая недюжинным темпераментом публициста, Максим Грек представлял собой яркую, хотя и несколько трагичную фигуру в русской культуре XVI в.

Новый этап в иконографии Максима Грека составляют его изображения как святого. Редкий список пространной редакции жития Максима Грека со сказанием о его «чудесах», датируемый 1721 г., сообщает, что в 1593 г. царя Федора Иоанновича под Юрьевым Ливонским спас «от напрасные смерти» Максим Грек, явившийся ему во сне, и что «от сего времени великий государь Федор Иванович велию веру име ко преподобному многострадальному Максиму чудотворцу Радонежскому... И повеле изографу царские полаты имени Михаилу Чустову написать образ преподобного отца нашего Максима; и по царскому повелению написашася образ преподобного Максима и украсиша златом и серебром и бисером и камением многоценным, и принесоша сам царь Федор Иванович в соборную церковь Успение пресвятой богородицы. И святейший Иов патриарх прииде в соборную церковь, и виде образ преподобного отца Максима Грека, и удивися велии красоте образу его и поклонися честному образу и царю... И сам святейший Иов патриарх и великий государь царь Федор Иванович поидоша во обитель живоначальных Троицы и к преподобным и чудотворным Сергию и Никону и к Максиму поклонитися».⁸ У нас нет оснований не доверять этому источнику так же, как не доверяет ему И. Денисов, не оставляющий за житием никакой научной ценности.⁹ Правда, нам неизвестно по другим документам имя царского иконописца Михаила Чустова. В «Повести о честном житии царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси»¹⁰ мы также не встречаем никаких известий о Максиме Греке. Однако мы увидим ниже, что для возникновения почитания памяти Максима Грека во всех возможных формах — и в литературной, и в иконописной — на Руси в официальных правительственных и

⁸ ГБЛ, собр. Ундольского, № 338, лл. 89—91. Это житие издано дважды: 1) С. Белокуров. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898, прилож. 9—10, стр. XIII—СХХIV; 2) Сборник Московского главного архива Министерства иностранных дел, в. 7. М., 1900, прилож. 1.

⁹ Elie Denissoff. Maxime le Grec et ses vicissitudes au sein de l'église russe. — *Revue des études slaves*, t. 31, fasc. 1—4. Paris, 1954, стр. 17—18. Денисов напрасно не обращает внимания на имена царя Федора Иоанновича и патриарха Иова, приведенные в житии № 338, на наш взгляд, отнюдь не случайно. Сам Денисов приписывает немалую роль патриарху Иову в реабилитации памяти Максима (стр. 11), но только с точки зрения узко литературной, агиографической, без внимания к другим формам почитания Максима Грека, в том числе к иконописи.

¹⁰ ПСРЛ, т. XIV, первая половина. СПб., 1910.

церковных кругах именно в конце XVI в. были серьезные причины. Обратимся теперь к прерванному нами рассказу жития, которое переносит нас в стены Троице-Сергиева монастыря, где Максим Грек провел последние 5 лет жизни (1551—1556) и где он погребен с северо-запада Духовской (Сошестввенской) церкви.¹¹ Пришедшие сюда в 1593 г. царь Федор Иоаннович и патриарх Иов с целью «поклониться» Максиму принимают, по житию, решительные меры, направленные на прославление Максима Грека как святого. Так, «царь великий повеле деревянную часовню сломати над гробом его и повеле вскоре возградити каменую часовню и украсити ю».¹² А патриарх Иов «повеле образ его над гробом поставити и мнозем людем верующим преподобному образы писати его с прилежанием; и начаша мнози людие преписати образ преподобного Максима Грека».¹³ Древняя часовня над гробом Максима в Троице-Сергиевом монастыре не сохранилась. Не дошли до нас и письменные свидетельства о ней; так, например, монастырская Опись 1641—1643 гг. не упоминает ее среди приделов Духовской церкви.¹⁴ Таким образом, мы не располагаем ранними иконописными изображениями (или их подробными описаниями) Максима Грека, о которых говорится в письменных источниках. Дошедшие до нас три иконописных подлинника XVI в. также умалчивают об иконах Максима Грека.¹⁵

Не то представляют собой материалы, связанные с иконографией Максима Грека в XVII в. Здесь и большое количество икон, и миниатюры в рукописных книгах, и фресковые изображения, и данные различных иконописных подлинников и других письменных источников. Подобно условным «портретам» Максима, в этих изображениях наблюдается несколько различных вариантов. Наиболее распространенным в XVII в. является следующий тип Максима Грека: голова его окружена нимбом, он представлен впрямь, по пояс, сидящим за столом, одетым в мантейку с многочисленными складками; вся его грудь закрыта бородой, широкой и пышной; на столе письменные принадлежности. Такие иконы встречаются в собрании Гос. исторического музея (№№ 18296 ш, 30098, 58270), Музея истории религии и атеизма (№№ А 335, А 3099), в ряде частных собраний. Особенно выразителен образ Максима Грека на иконе этого типа в собрании Государственного литературного музея Пушкинского Дома в Ленинграде (инв. № 58765).¹⁶ Другой, не менее распространенный ва-

¹¹ Список погребенных в Троицкой Сергиевой лавре от основания оной до 1880 г. М., 1880, № 220, стр. 23; ср. также: Г. А. Красноцветов. Археологические раскопки на территории Троице-Сергиевой лавры в 1942 г. Рукопись. Загорский музей.

¹² Житие, л. 92. Вопрос о времени сооружения часовни над гробом Максима Грека окончательно не решен. Е. Е. Голубинский в труде «Преподобный Сергей Радонежский и созданная им лавра» (М., 1909, стр. 222), а вслед за ним и В. П. Зубов в работе «Духовская церковь» (рукопись, 1943, Загорский музей, стр. 9) относят постройку часовни к 1651—1656 гг., опираясь только на рукопись Сказания о Максиме Греке собрания Погодина № 114 и не принимая во внимание цитированные нами сведения из жития № 338. Впрочем, весьма возможно, что «повеление» Федора Иоанновича «вскоре возградити каменую часовню» не было осуществлено.

¹³ Житие, л. 92—92 об.

¹⁴ Опись Троице-Сергиева монастыря 1641—1643 годов. Рукопись в собрании Загорского музея, № 289. На л. 296 указаны переводы Максима Грека, хранившиеся в это время в «книгохранительнице» монастыря: «Книга деств на большой бумаге, псалтырь толковая Максиму переводу Грека, поволочена кожей в затылок, 13 кафизем... псалтырь толковая, в ней сем кафизем Максимова переводу Грека».

¹⁵ Г. Филимонов. Иконописный подлинник Новгородской редакции по Софийскому списку конца XVI в. с вариантами из списков Забелина и Филимонова. — Сборник Общества древнерусского искусства на 1873 год. М., 1873. Материалы, стр. 1—39.

¹⁶ Пользуюсь случаем принести благодарность Д. С. Лихачеву за указание на эту икону и за предоставление ее фотографии. Эта икона была приобретена музеем в 1943 г.

риант изображения Максима Грека может быть представлен по описанию в иконописном подлиннике 1694 г. из собрания ГПБ, где под 21 января отмечена «память преподобного оца нашего Максима Грека Радонежского, чюд, сед, брада широка и плеча закрыла до персей, в камилавке; риз преподобниче, книга в руках».¹⁷ К этому типу следует отнести икону из собрания Гос. Русского музея,¹⁸ а также и фрески Духовской церкви 1655 г., Успенского собора 1684 г. (рис. 2), вологодского Софийского собора 1686—1688 гг. и Толчковской церкви в Ярославле 1694 г.¹⁹

Близкими к этому варианту являются иконы, представляющие Максима Грека без книги (обычно содержащей догмы, на которые опирались старообрядцы), с благославляющей рукой. Такова еще одна икона из собрания Гос. Русского музея,²⁰ икона XVII—XVIII вв. в собрании Гос. Третьяковской галереи²¹ и др. Совершенно такого же типа миниатюра из сборника, содержащего переводы и сочинения Максима Грека, в собрании ГПБ,²² впрочем, слабая в художественном отношении. О том, что изображение «преподобного Максима» не обязательно было с книгой, позволяют судить Сборник ГПБ XVII в., называющий среди имен святых по алфавиту: «Максимы преподобного над, сед, брада кругла аки Николина, в одной ряске внищавой»,²³ и иконописный подлинник XVII—XVIII вв.: «память преподобного оца нашего Максима Грека, Радонежского чудотворца, сед, брада широка и плеча закрыла до персей, в камилавке».²⁴

в Казани у коллекционера Н. Коровина. Перевод-прорись с иконы этого типа был впервые опубликован около 100 лет назад В. Прохоровым в журнале «Христианские древности» (1862, кн. 2, стр. 14—15). Прохоров ошибочно утверждал в сопроводительном тексте, будто «благотворный образ преподобного Максима Грека представляется одинаково на всех старинных иконах». По-видимому, изображения Максима Грека были малоизвестны в XIX в.

¹⁷ ГПБ, О. XIII. 6, л. 113.

¹⁸ № 2253 ДРЖ. Издана в следующих трудах: Н. П. Лихачев. Материалы для истории русского иконописания. СПб., 1906, ч. II, табл. CCCX, № 568; M. Winkler. Geschichte Osteuropas bis zum 17 Jahrhundert. Propyläen Weltgeschichte, t. 4. Berlin, 1932, стр. 489; A. Yarmolinsky. Studies in Russian Americana. — Bulletin of the New York Public Library, v. 43, № 7, July, 1939; E. Denisoff. Maxime le Grec et l'Occident. Paris—Louvain, 1943. Последний определяет эту икону как старообрядческую (vieux ritualistes).

¹⁹ О фреске с изображением Максима Грека, выполненной первоначально в 1655 г. в Духовской церкви (близ которой он был похоронен), позволяет судить только лишь позднейшая Опись (ЦГАДА, Архив Троице-Сергиевой лавры, дело 1777 г., № 684: «О расписании Сошестввенской церкви стенным писанием, и о зделании вновь иконостаса»), в которой на л. 49 указывается, «чтоб стенное писание производимо было по старому, ничего неперемня», а на л. 89 описывается в реестре расходов книжек червонного золота: «на левой стороне в окошке на Савву Сторожевского и Максима Грека 9 листов». Как известно, эта роспись была уничтожена еще в XIX в. Фреска 1684 г. в Успенском соборе представляет Максима Грека в рост на северо-западном столбе рядом с Михеем Радонежским (ср.: Ю. А. Олсуфьев. Опись икон Троице-Сергиевой лавры до XVIII в. и наиболее типичных XVIII и XIX вв. Комиссия по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры, Сергиев, 1920, стр. 65). В росписи вологодского Софийского собора, выполненной в 1686—1688 гг., Максим Грек представлен погрудно, причем вокруг овальной прориси изображена тяжелая резная рама. Это изображение Максима Грека мало известно и никогда не публиковалось, хотя представляет несомненный интерес. Фреска 1694—1695 гг. в Толчковской церкви Иоанна Предтечи в Ярославле издана трижды: Н. П. Лихачев. Материалы для истории русского иконописания, ч. II, табл. CCCVIII, № 587; А. И. Успенский. Царские иконописцы и живописцы XVII века. М., 1913, стр. 32/33 (вторая пагинация); Н. Первухин. Церковь Иоанна Предтечи в Ярославле. М., 1913, рисунок на стр. 50.

²⁰ № 2221 ДРЖ.

²¹ ГТГ, № 20887. Намечена к расчистке.

²² ГПБ, Q.I.219, л. 9 об.

²³ ГПБ, Q. XVII. 32, сборник XVII в., л. 118 об.

²⁴ ГПБ, Q. XIII. 11, Иконописный подлинник по месяцам, лл. 80 об.—81.

Несмотря на то, что насчитывается довольно большое количество икон с изображением Максима Грека, следует заметить, что далеко не все иконописные подлинники упоминают Максима Грека.²⁵ Зато Сийский иконописный подлинник XVII в.²⁶ дает изображение Максима Грека в рост, за работой переписчика книги, наподобие приведенной выше миниатюры из Архангельского собрания БАН, но с нимбом. Сходно с ним по типу изображение Максима в списке его сочинений из собрания БАН,²⁷ датируемое концом XVII—началом XVIII в. Это изображение отличается роскошью и необычайной нарядностью колорита: зеленая шапочка с серой меховой оторочкой, красная мантийка с резкими черными складками и золотыми пробелами, зеленая ряска, белые чулки, лилово-красные башмаки, желтая мебель, с черными тонкими расписными травами — все говорит о вольном толковании строгого канонического изображения. Да и лик — горбоносый, явно восточный — поражает большой выразительностью, напоминающей о достижениях русского реалистического искусства конца XVII—начала XVIII в. Житие Максима Грека (Унд. № 338) называет имена еще нескольких иконописцев XVII в., писавших изображения его, как например под 1623 г. Василия Матфеева, под 1654 г. Ивана Афанасьева, а также приводит сведения об изографе Евстафии Федорове, сыне Беляеве, который «живет в Спасской слободе у Сухаревой башни» и «образы святые пишет, а грамоте не умеет»; причем выясняется, что в это время «не велено... писати у образов святых благословенные двема персты, но един перст отвращати по новому закону их».²⁸

Из круга всех рассмотренных нами изображений выпадает еще одна несколько необычная икона с изображением Максима Грека. Она хранится в Загорском музее (рис. 3) и, хотя может быть датирована началом XVIII в., явно представляет собой произведение, написанное под икону XVI в. Архаизирующий ее характер отмечал еще Ю. А. Олсуфьев.²⁹ Действительно, это изображение более символично, чем избыточные многочисленными атрибутами иконы и миниатюры XVII и тем более XVIII вв.³⁰ Здесь нет ни свитка, ни книги, ни письменных принадлежностей, ни пояснительных текстов, за исключением высоко поднятой на

²⁵ Например, его нет в ГПБ в иконописных подлинниках; О. XIII. 2, XVII в.; О. XIII. 5, XVII в., Погодинском № 1930, в «Указании, как изображать святых на иконах» — О. XVII. 37, XVII в.; в БАНе его нет в кратком иконописном подлиннике конца XVII—начала XVIII в. — 45.9.4, в иконописных подлинниках XVII в. — 33.3.9, 45.10.1, 38.1.11, Арханг. собр. С. № 205.

²⁶ ГПБ, ОЛДП, LXXXVIII (86), л. 493 об. Изображение Максима Грека из Сийского иконописного подлинника издано дважды: Н. В. Покровский. 1) Сийский иконописный подлинник, в. IV. 1898, рис. 60; 2) Иконография и искусство. СПб., 1900, рис. 221.

²⁷ БАН, собр. Бурцева, № 25 (1.5.97). Издано в кн.: А. Е. Бурцев. Опись старых славянских и новых русских рукописей, т. IV. СПб., 1901, рисунок на стр. 64.

²⁸ Житие № 338, лл. 96, 106 об.—107, 107 об.—108.

²⁹ Ю. А. Олсуфьев. Дополнение II к Описи икон б. Троице-Сергиевой лавры. Комиссия по охране памятников искусства б: Троице-Сергиевой лавры, Сергиев, 1925, стр. 6: «под XVI в. Надо думать, что икона подделана на старой доске». Икона поступила в музей в 1924 г. из Москвы.

³⁰ В собрании ГИМ икона № 68556 XVIII в. представляет Максима Грека с книгой в левой руке, с чегками ла правой; борода его написана очень неуклюже, какими-то жесткими, падающими сверху донизу без волны графьями. Сходное изображение дает икона Б 4814 XVIII в. из коллекции Музея истории религии и атеизма. В ГПБ хранится написанный маслом на холсте портрет Максима Грека типа «парсунаго письма». Здесь только роскошная шелковистая седая борода отдаленно напоминает об иконописных и рукописных прототипах.

рамку иконы надписи вязью: «ПРЕД МАКСИМЪ ГРЕКЪ».³¹ Изображение поражает своим лаконизмом. Выделяется широкоскулое, худое, восточного типа лицо с резкими, жесткими складками на щеках, пухлыми губами крепко сжатого рта, громадная окладистая борода. Рассматривая эту икону в ряду всех других дошедших до нас изображений Максима Грека, невольно ловишь себя на мысли: а не есть ли это позднейшая копия XVII или XVIII в. с иконы, написанной для установления на гробу Максима в конце XVI в.? Ведь именно такой надгробной иконой и могло быть это изображение, отличающееся и от условных «портретов» писателя, с одной стороны, и от канонических, однообразных типов «преподобного», «Радонежского чудотворца», распространившихся позднее, в XVII в. Во всяком случае трудно представить, чтобы это произведение было создано без какого-либо не дошедшего до нас древнего (и не древнейшего ли в ряду изображений Максима как святого) прототипа.

В заключение необходимо вернуться к вопросу о том, почему обвинявшегося дважды в ересь монаха-иноземца из греческого монастыря допустили без официальной канонизации в «преподобные», в число так называемых избранных святых русской православной церкви. Дело здесь, разумеется, менее всего в том, что Максима Грека после его смерти признали как одаренного публициста, обличителя монастырского стяжательства и т. п. Если бы речь шла только о его авторитете писателя, все могло бы ограничиться в области иконографии лишь распространением его условных «портретов». Остается предположить, что русская церковь стремилась реабилитацией памяти Максима Грека выиграть в это время во взаимоотношениях с константинопольским патриархом. Весьма возможно, что полученная Иваном IV Грозным в 1561 г. грамота константинопольского патриарха, подтверждающая его венчание на царство, и побудила ввести в 1564 г. в число особо чтимых мудрецов соотечественника греков Максима в фресках галереи Благовещенского собора московского Кремля. Это тем более вероятно, что о расположении константинопольского патриархата к Максиму Греку позволяет судить послание 1546 г. от патриарха константинопольского Дионисия к Ивану Грозному.³² Приведенные выше сведения из жития (№ 338) о введении почитания Максима Грека в московском Кремле (Успенский собор) и в Троице-Сергиевом монастыре с ведома царя Федора Иоанновича и только что поставленного (1588 г.) во главе русской патриархии Иова, известия о поощрении ими же иконописцев, изображавших Максима Грека, следует объяснять, как нам кажется, опять-таки взаимоотношениями между русской церковью и константинопольским патриархатом в конце XVI в. Прибывший для поставления в патриархи московские митрополита Иова константинопольский патриарх Иеремия II посетил в 1588 г. Троице-Сергиев монастырь.³³ Здесь, по-видимому, Иеремия II обратил внимание на могилу своего соотечественника и, должно быть, отнесся к его памяти сочувственно, так как ему самому пришлось пережить годы изгнания и опалы.³⁴ Предприним-

³¹ По наблюдению М. В. Щепкиной, палеографические особенности этой надписи указывают на подражание образцу XVI в.

³² Е. Е. Голубинский. История Русской церкви, т. 2, 1-я половина. М., 1900, стр. 816—817.

³³ Н. М. Карамзин. История государства Российского, кн. VIII, т. X. СПб., 1843, стр. 71—72, прим. 214. В своей статье 1954 г. И. Денисов указывает на роль Иеремии II в реабилитации Максима (стр. 11).

³⁴ Н. М. Карамзин. История государства Российского, кн. III, т. X. СПб., 1843, стр. 69. «Греческое дело» 1588 г. (ЦГАДА, ф. 52, дело 1588 г., ед. хр. 3, лл. 42 об.—46 об.) сохранило сведения о том, что Иеремия II пробыл в Троице-Сергиевом монастыре значительно дольше, чем предполагалось. Он уехал из Москвы 5 февраля 1589 г.;

чивый Иов, по-видимому, решил не упускать случая внести свою лепту в укрепление прочных связей между русской православной церковью и константинопольским патриархатом и принялся действовать. Так появились «чудеса» на могильной плите Максима Грека, отсюда же возникло и почитание и изображение его как святого. Если бы это почитание исходило не из официальных кругов, изображению Максима Грека не отвели бы места в Успенском соборе московского Кремля; его сочинения и изображения не находились бы в Троице-Сергиевом монастыре — крупнейшем центре русской православной церкви, посещавшемся представителями высшего восточного духовенства наравне с соборами московского Кремля. Судя по изображениям Максима Грека в фресковых росписях двух церковных зданий Троицкого монастыря: в 1655 г. в Духовской церкви и в 1684 г. в Успенском соборе,³⁵ отношение к Максиму Греку и в XVII в. носило все тот же характер. Уважение к Максиму Греку и его памяти отвечало отчасти и стремлениям превратить русскую православную церковь в оплот всего православного мира в том числе для древнейших восточных церквей.

Таким образом, почитание Максима Грека в среде раскольников, старообрядцев в XVII и XVIII вв. возникло уже после полуофициального признания его памяти московской патриархией.³⁶

О почитании же Максима Грека в Троице-Сергиевом монастыре позволяют судить многочисленные записи в монастырских документах. Так, под 1737 г. сообщается, что «подле церкви Сошествия святого Духа полатка каменная, а в ней деисус писан на трех цках в киоте, деревянной, писан на празелени. Перед деисусом образ преподобного Максима Грека писан на празелени... таблица в рамах столярных на белом железе, писанъ летописец Максиму Греку...»³⁷ Весьма возможно, что к 1759 г. был специально написан новый «образ преподобного Максима Грека во облаце... венец сребренный резной», так как далее указывается: «гробница преподобного Максима Грека каменная, с одной стороны решетка железная, на гробнице образ онго преподобного, писан на красках».³⁸ Под

в наказе Григорию Нащокину предписывалось возвратиться в Москву 7-го или, по воле патриарха, 8 февраля, но Иеремия уехал из монастыря только 11 февраля. Нащокин особо «сказывал» Федору Иоанновичу об этом посещении о чем глухо упоминается на л. 46 об. указанного дела. В том же деле, на л. 26 об., представляет интерес указание, что 21 июля 1588 г. константинопольский патриарх Иеремия, митрополит монемвасийский Иерофей и эласонский архиепископ Арсений «шли ко государю мимо Благовещенья папертью», в фресках которой уже имелось упоминавшееся изображение Максима Грека 1564 г.

³⁵ Изображение Максима Грека сначала в вологодском Софийском соборе (1686—1688 гг.), а затем и в церкви Иоанна Предтечи в Ярославле (1694—1695 гг.) может быть объяснено тем, что во главе артели иконописцев стоял тот же Дмитрий Григорьев, который работал над росписью Успенского собора Троицкого монастыря в 1684 г. Видимо, у него сохранилась прорись от Успенского собора, которую он использовал в Вологде и Ярославле, однако со значительными отклонениями в колорите и в отдельных деталях.

³⁶ Вопросу об отношении раскольников и старообрядцев к Максиму Греку уделено несколько страниц в указанной статье И. Денисова 1954 г. (стр. 16—18). Однако и здесь в сферу внимания автора попали только два литературных памятника и даже не упоминаются многочисленные иконописные изображения Максима, дополняющие свидетельства о его почитании в этой своеобразной среде. Хранящаяся в Гос. Третьяковской галерее прекрасная икона XVI в. Богоматерь Тихвинская (14410) с надписью XVIII в. на обороте доски: «Сему образ М. А. Н. О М А Максим Грека», по любезно сообщенному нам мнению В. И. Антоновой, дает представление еще об одной стороне в старообрядческом почитании Максима Грека в XVIII в.

³⁷ «Книги описные ризной казне... 737 году». Рукописная книга в собрании Загорского музея, л. 137—137 об.

³⁸ «Копия с описи, какова учинена присланным лейбгвардии Преображенского полку капитаном поручиком Андрианом Лопухиным» (1759 г.). Рукописная книга в собрании Загорского музея, л. 45 об.

1789 г. сообщается наименование новых икон в палатке, а в их числе архангелы Михаил и Гавриил, Федор Стратилат. На гробнице кирпичной (тоже перестроенной (?)) «образ преподобнаго Максима Грека, на нем венец, с цатою, чеканные серебряные позолочены».³⁹ Как показывают эти записи, вся утварь «палатки» часто обновлялась, заменялась. По-видимому, поэтому-то здесь не сохранились самые первые иконописные изображения Максима Грека еще XVI и начала XVII в. В XIX в. в часовне Максима Грека числилась всего одна икона с его изображением, вложенная в монастырь петербургским купцом Егором Мироновым в 1850 г.⁴⁰ Приведенные известия ясно говорят о том, что древние изображения, возможно, восходившие к подлинному портрету Максима Грека, отсутствовали в монастыре в новое время. Неоднократные капитальные перестройки этой часовни (например, в 1778 и 1847 гг.), частые поновления и замены утвари в ее убранстве не дали возможности сохраниться близ места погребения Максима Грека наиболее древним его изображениям, которые могли быть созданы видевшими его в Троицком монастыре иконописцами.

Сохранившиеся до нашего времени рукописи с миниатюрами, иконы, монументальные фрески,⁴¹ рисуя облик Максима Грека, составляют одну из интересных, до сих пор не написанных страниц в истории древнерусского изобразительного искусства.

³⁹ «Опись церквей и ризницы Троице-Сергиева монастыря 1789 г.». Рукописная книга в собрании Загорского музея, лл. 86—87 об.

⁴⁰ Главной описи Свято-Троицкой лавры. Опись церквей 1859 г. Гл. П. Гробница над мощами преп. Максима Грека, л. 939/2. По-видимому, это новое изображение и было опубликовано в издании сочинений Максима Грека, предпринятом в Троице-Сергиевой лавре в 1910 г. В Описи монастыря под 1908 г. в этой палатке числилась еще громадная картина в золоченой раме, изображавшая Максима Грека в темнице и ангела (см.: «Опись церквей св. Троицкие Сергиевы лавры, составленная в 1908 г. (для отца ризничего)». Рукописная книга в собрании Загорского музея, л. 219).

⁴¹ При подготовке настоящей статьи к изданию было обнаружено еще одно малоизвестное фресковое изображение Максима Грека в паперти Преображенского собора московского Новоспасского монастыря, относящееся к 1690 г. (ср.: К. Я. Тромонин. Очерки с лучших произведений живописи, гравирования и зодчества с кратким описанием и биографиями художников, т. I. М., 1839, стр. 71—73, рис. 24, а также: А. Ровинский. Подробный словарь русских гравированных портретов, т. II. СПб., 1889, Приложение, столб. 214). Как известно, этот монастырь был родовой усыпальницей бояр Романовых и широко посещался представителями высшего восточного духовенства. Изображение Максима Грека могло быть выполнено здесь в память Саввы Святогорца, архимандрита Новоспасского монастыря, который был осужден и сослан вместе с Максимом в 1525 г.

Преподобный Максимъ Грекъ .

Рис. 1. Максим Грек. (Сборник БАН, Архангельское собр., № 1044, М. Б. № 15, XVII в., 4°, л. 10 об.).

Рис. 2. Максим Грек Фреска Успенского собора Троице-Сергиева монастыря.
1684 г Северо-западный столб. (Фот Г. Б. Лебедева, 1957 г)

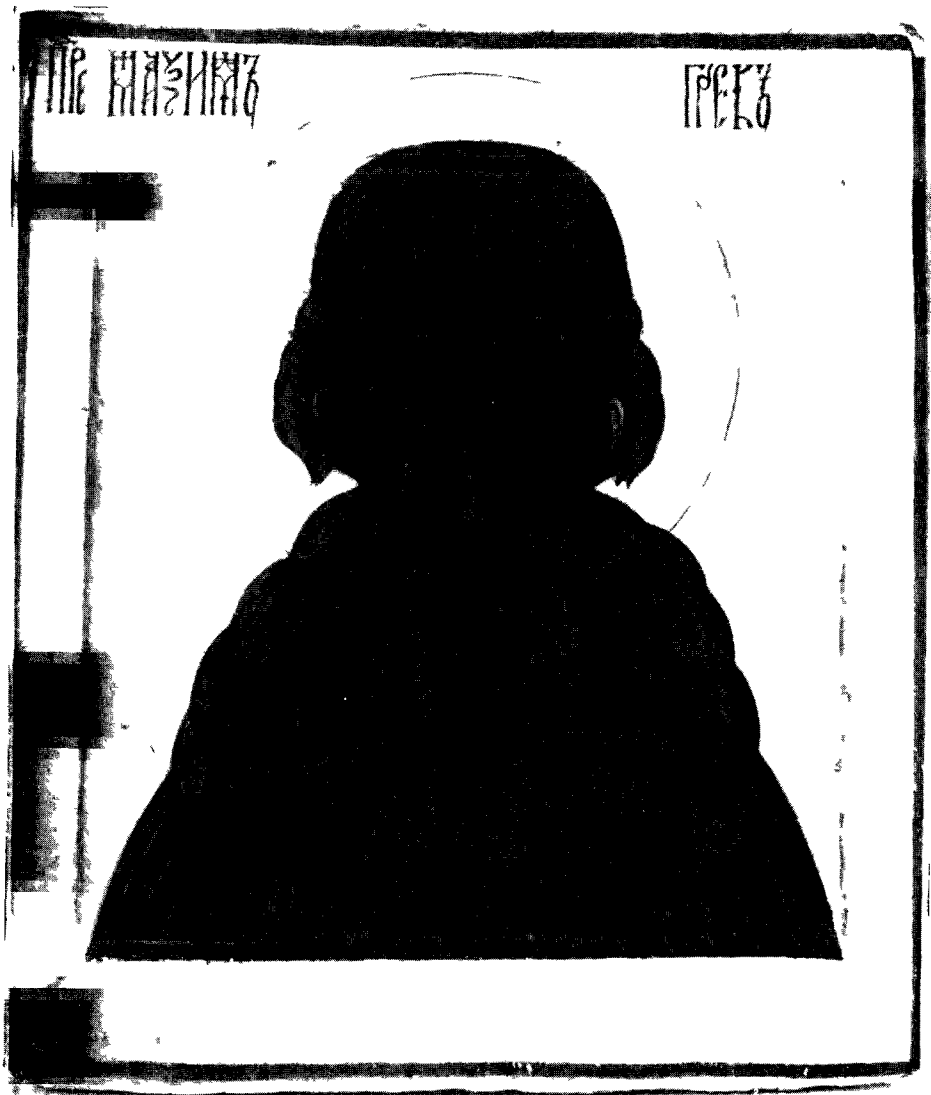

Рис 3 Икона с изображением Максима Грека (Собрание Загорского музея, № 5023, XVIII в 27×24 см)